

• СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ДЕТЕКТИВ •

≡ ГЕОРГИЙ

ПЕРСИКОВ ≡

ДБЛО•О

Золотом сердце

САМОЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РЕТРО!

Старый добрый детектив

Георгий Персиков

Дело о Золотом сердце

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Персиков Г.

Дело о Золотом сердце / Г. Персиков — «Издательство АСТ»,
2015 — (Старый добрый детектив)

ISBN 978-5-17-093456-0

В гости к Георгию Родину, практикующему врачу провинциального городка Старокузнецка, приезжает его старший брат, известный путешественник. В числе прочих дорогих подарков он привез золотой амулет в виде сердца, принадлежащий, как гласит легенда, мифическому индейскому племени любви. Но с появлением этой вещицы в городке начинают происходить странные события... Будучи реалистом, Георгий не верит в магическое воздействие амулета и, пытаясь найти рациональное объяснение всему происходящему, снаряжает экспедицию в амазонские джунгли. Однако буквально с первых шагов участников экспедиции начинает преследовать неизвестный злоумышленник...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093456-0

© Персиков Г., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Георгий Персиков

Дело о Золотом сердце

© Г. Персиков, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Моему деду Георгию Ивановичу и бабушке Клавдии Васильевне,
которые чуть-чуть не успели прочитать эту книгу*

Пролог

В начале времен земля была бесплодна, а у мужчин не росла борода. Лишь позже начали появляться деревья. В начале времен пена на Амазонке была черного цвета. В начале времен не было ни еды, ни снадобий. В начале времен люди были с хвостами. В начале времен на месте болот была трава. В начале времен все убивали каждого, потому что у них не было сердца. Лишь когда мудрец Нофуэтома, что пришел в племя карихона из-за высоких гор, сделал из золота сердце, люди узнали, что такое любовь. Но было то в начале времен.

Из сказаний индейского племени карихона

Болота постепенно окружали островок в сердце Амазонии, но были еще далеко. Река совсем недавно стала заболачиваться и покрываться ряской. Когда болота накроют землю племени карихона, народ будет печалиться. А пока можно веселиться.

Лик великого бога только-только вынырнул розовым краешком из вод реки. Восхода над зеленой стеной джунглей стоило ожидать еще нескоро. Но старуха Йомира еще затемно согнала всех незамужних девушек и молодых жен племени к длинному столу под навесом из листьев – работы предстояло очень много. «Проклятая Летучая Мышь, сама уже забыла про сон и нам спать не дает!» – ворчали сонные молодухи. Конечно, в глаза ее никто не осмелился бы так называть. Только Йомира-вос, Большая Мать, или же просто Старшая. Испокон веков в племени карихона, затерявшемся в бесконечных джунглях Амазонии, так именовали мать вождя.

Перед тем как стать главной женщиной племени, Йомира тридцать лет была женой могучего касика Тарири. Трое ее сыновей должны были получить красно-черное копье и плащ, украшенный перьями попугая-ара, – символы власти. Но отцовского долголетия не досталось никому из них – парни не успели даже жениться. Год назад вождем стал младший сын Йомиры – быстрый и отважный Шиботка, прозванный за мастерское владение копьем Слепнем. Сегодня был день его свадьбы. Именно поэтому Летучая Мышь спозаранку созвала девушек.

Пир должен был изумить изобилием всех карихона и приглашенных со стороны невесты. Юный вождь во главе лучших охотников племени добыл дюжину жирных поросят-пекари. Для старейшин и почетных гостей еще с вечера на угли положили, не снимая панциря, двух крупных броненосцев-армадилло. Великий жабий колдун, что жил на заброшенном озере и давал советы всем соседним племенам, прислал со своим учеником жирную жабу, покрытую сочащимися слизью бородавками. По словам мальчишки, стоит ее лизнуть – и будешь танцевать более суток.

Бранясь в полутьме и то и дело поминая подводного Ариму, одни женщины разделявали тушки откормленных койи – морских свинок, другие месили тесто из свежемолотого маниока – Йомира распорядилась, чтобы на свадьбе было вдоволь пирожков с тыквой, сладкой курубой и фейхоа. Дожидались своего часа только что срезанные початки молочной кукурузы – их должны были запечь. А в ее нежные листья ловкие девушки заворачивали традиционные тамалес с десятком разнообразных начинок.

Две женщины среднего возраста фаршировали огромную панцирную щуку растертыми кремовыми орехами с кислицей и тамарилло. В трех больших горшках булькала лимская фасоль с картофелем, томатами и острыми перчиками – через несколько часов варево превратится в ароматную пасту, которую мужчины будут мазать на лепешки и заедать этим фруктовую брагу-пульке. Гигантский чан хорошенько перебродившего напитка из папайи, ананаса, наранхиллы и сладкого огурца стоял под крышкой. Но мухи и осы так и вились рядом, жажда

утонуть в хмельном море, которого с избытком хватило бы для утопления пятерых взрослых мужчин. Но юноши, старики и воины в расцвете лет спали, набираясь сил перед празднеством. Ибо оно сулило не только семейное счастье юному вождю, но и долгожданный мир для всего племени.

Юная тонкая Пиипи – невеста Шиботки-Слепня – была дочерью Хитари-Камня, вождя племени болотных людоедов.

Карихона испокон веков недолюбливали своих соседей из заболоченной чащи – за обычай поедать поверженных врагов и полнейшее отрицание даже намека на ведение сельского хозяйства. Большеголовые, низкорослые, кривоногие, с огромными мускулистыми руками, касающимися земли, людоеды, в свою очередь, презирали приречных соседей, называя их землероями и бабьими подхалимами. Женщины всегда пользовались большим уважением у карихона, чем у болотных жителей, потому оскорбление их чести не раз вызывало кровопролитие между двумя народами. К несчастью для речных обитателей, людоеды были свирепыми и умелыми бойцами.

Последняя война унесла жизни двоих сыновей Йомиры и Тарири – предшественников Шиботки в плетеном красном кресле касика племени. Мудрая Йомира решила навсегда положить конец кровавому безумию. Через шамана людоедов Мать внедрила в голову их вождя мысль, что его единственная дочь несомненно будет счастливее в браке в том племени, где женщины имеют больше власти. И обмен даров полей на болотную дичь сулит куда большую сытость, нежели обглаживание жестких мослов речников. А первенец в этом равном браке по праву крови сможет возглавить и болотный, и речной народы. То, что у такого могучего воина обязательно родится мальчик, сомневаться не приходится. Да и кроме того, колдун карихона хранит могущественный талисман – Золотое сердце, – несправедливо, конечно, а что поделаешь?

Дипломатический яд достиг своей цели. Ибо иных наследников, кроме Пиипи, у кровавого каннибала не было. Он ее обожал и ласково называл Червячком – за гибкий стан и точеные ножки, но власть над своим народом передать ей не имел права. По этой причине болотные воины не вспарывали животы ротозеям-разведчикам из речников в предрассветных сумерках, а несли невесту на носилках из лиан по узким тропкам. Ее отец возглавлял процессию и незаметно для остальных улыбался, радуясь тому, как ловко он пристроил дочку...

Счастье одних порой означает убытки, печаль и даже беду для других. Брачный союз карихона и каннибалов шел вразрез с планами еще одного могучего племени, занимавшего обширные земли на востоке. Речные и болотные люди крайне редко пересекались с воинственным народом амазонок – чибча-муиски.

Однако легенд и преданий о бесстрашных воительницах хватало и у тех, и у других. «Они никогда не берут в плен!» – зловеще подвывая, пугали смуглых детишек с широко распахнутыми глазенками старухи-рассказчицы. «Никто в бою не видел их спины», – с серьезными лицами рассказывали отцы своим сыновьям. «Но мужчин они убивают, лишь те наполнят их лона своим семенем», – с осуждением ворчали старики в своем кругу.

Ну а поскольку слово старейшин весило больше, чем чье-либо еще, включая даже Йомиру, переговоры с амазонками так и не состоялись. Между тем глава чибча-муисков Патобчи предлагала старшую дочь – редкую красавицу, по мнению всех, кто ее видел, – выдать за Шиботку. Ради политических целей женщины-воины были готовы отступить от своей вековой традиции похищать и казнить женихов, а к самому юному вождю обещали относиться даже с почтением, невзирая на его принадлежность к «слабому» полу. Но старики предпочли союз с болотниками – пусть они и едят человечину, но в остальном жизнь у них устроена правильно.

Впрочем, не мужская стать Шиботки и не сила стоящего за ним племени соблазнили чибча-муисков на неслыханные уступки. У карихона уже много поколений хранился могущественный талисман. И по слухам, нельзя его было ни украсть, ни завоевать.

Тысячи лун тому назад одно благородное и мудрое племя из тех краев, о котором не слышали даже самые старые, нашло однажды приют у карихона. Бежали они от великой войны с жестокими завоевателями, именовавшими себя ацтеками. Те пришли с мечом и огнем в земли мудрых майя и уничтожили то, что создавалось веками. Не щадили они ни старых, ни малых – об этом поведали вождю и старейшинам меднолицые странники. Пришли они не с пустыми руками – принесли семена многих растений, научили лесовиков обтесывать черный и зеленый обсидиан, ковать медь и ткать из травяных волокон одежду. Жизнь карихона словно окрасилась лучами доброго Солнца, а их самих стало больше во столько раз, сколько пальцев на руках без одного.

Но главное чудо сотворил старый колдун Нофуетома. Увидев с горечью и болью, что даже в этом затерянном болотном краю ненависть и жестокость уничтожают жизнь и любовь, он выковал Золотое сердце, оберегавшее племя от болезней и голода, дарившее долголетие и плодovitость супругам и хранившее детей от всевозможных напастей. Шаманы племени с той поры были потомками Нофуетомы и с обязанностями справлялись неплохо. Ведь не напрасно соседи частенько называли карихона счастливым племенем и даже племенем любви.

Вот и амазонки хотели мирным путем получить частичку благословения – в последнее время племя стало болеть и вырождаться, похищенные мужчины давали плохой приплод. Отказ первой красавице чибча-муисков оскорбил племя донельзя. И ее мать, грозная Матушка-Скала, вместе с самым опытными воительницами решили на совете – раз нельзя заполучить Золотое сердце по-хорошему, отнимем его силой. Глупые карихона еще не раз покаются за свой неправильный выбор.

Разведчицы прокрадутся вдоль берега реки. Их задача – внезапный и бесшумный бросок на часовых, наблюдающих за желтыми водами могучего потока. После этого вверх по течению должны будут подняться тяжелые боевые пироги со штурмовым отрядом, ведомым неустрашимой Патобчи. Неожиданная атака в разгар празднества сулит успех. Перепившиеся речники и болотники, еще не ставшие настоящими союзниками, с высокой долей вероятности сочтут происходящее вероломством друг друга.

– Тупые мужики, они так и не успеют сообразить, кто именно их поубивал. А жаль! – презрительно попытожила военный совет Матушка-Скала.

Тогда-то и попросилась Баниика-Мошка, отвергнутая невеста, возглавить вылазку разведчиц.

– Мать, я должна проложить дорогу для воинов. Никто не издаст ни звука, никто не уцелеет! – Получив одобрительный кивок родительницы, дочь добавила: – Ты забереешь Золотое сердце, а мне оставь сердце Шиботки – я сама его вырежу и съем сырым!

Она сжимала в руках кинжал из сварции – железного дерева, представляя, как будет кромсать тело речника, избравшего другую. Упоение предстоящей мезтью было сладостным. Хотя девушка не ела уже вторые сутки, тонкие ароматы свадебного стола не кружили ей голову. А вот ее подружки с нетерпением ждали нападения и разграбления богатой деревни. Пиршество после победы обещало быть запоминающимся...

Когда отряд Пачакутека выходил из Куско, в нем насчитывалось более тысячи воинов. Выючные ламы и молчаливые рабы несли пищу и оружие. В пяти паланкинах передвигались жрецы Инти – бога Солнца, прародителя императора. Вместе с ними сидели чиновники, прикрепленные от канцелярии его величества Инки Уайна Капака. Даже летописцев-кипукамай-оки послали, дабы те прилежно вязали узелки на нитях, фиксируя все детали похода. Они были жуткой обузой, худшей, чем атлатли-копьеметалки. Против кого применять это грозное, но

громоздкое оружие? Против лесных дикарей, которые бегут в атаку с деревянными кольями и духовыми трубками? До них еще нужно добраться, а дорога не из близких. Седовласый Пачакутек сжимал копье, словно хотел раздавить древко, и скрежетал зубами, но возразить против откровенной глупости снарядившего экспедицию младшего брата Великого Инки не посмел.

– На востоке нет дорог, айлью, – почтительно пробормотал военачальник.

– Высокочтимый Инка айлью – так ты должен ко мне обращаться, деревенщина! – раздраженно бросил девятнадцатилетний брат Солнцеликого.

Досадную ошибку можно было трактовать как проявление неуважения к монаршей крови, что каралось в империи различными изобретательными способами, весьма мучительным образом приводившими к неизбежной смерти. Пачакутек счел разумным пасть ниц и покинуть зал, пятясь на четвереньках. Вот и поговорили о подготовке и тактике.

Спуск с Анд стоил жизни сотне воинов – лавины, оползни, чересчур узкие тропы. Путь через джунгли к истокам великой реки уменьшил отряд еще на полтора десятка воинов – свою лепту внесли хищники, коварные трясины и непривычные для горцев болезни. После гибели половины рабов-носильщиков и почти всех животных Пачакутек приказал вытряхнуть из паланкинов привилегированное сословие.

– Носильщиков не хватает для оружия и припасов. Идите своими ногами или сдохните, – бесстрастно объявил присмирившим жирдяям свое решение суровый командир.

После столкновения с болотными духами из оставшегося безымянным племени уцелели только один жрец и один кипукамайоки со своим пучком нитей и узелков. А воинов осталось лишь три сотни. Деревянные доспехи прекрасно защищали от копий, палиц-макан и топоров, но проклятые дикари плевались ядовитыми шипами в открытые шеи, лица, запястья. Разведчики Пачакутека нашли их деревню, после чего воины раскололи черепа боевыми молотами всем – от мала до велика. Но даже жестокая месть не утешила командира – слишком высокую цену пришлось заплатить за бальсовые стволы для плотов, которые лесные духи, как оказалось, почитали священными.

«Идти нужно было налегке, небольшим отрядом – я это знал с самого начала», – неотступно терзала старого и опытного Пачакутека мрачная мысль на протяжении всего сплава вниз по течению.

Тупак Инка Юпанки, отец нынешнего императора, был грандиозным человеком. Пачакутек служил в его гвардии и пользовался расположением Великого Инки не только за то, что был тезкой покойного отца монарха. И не за одно воинское мастерство ценил его покоритель народов и собиратель земель. Молодой копьеносец отличался острым умом. Именно поэтому император частенько держал его при себе, когда слушал доклады разведчиков из дальних земель.

– Ты хорошо знаешь мои земли и то, что за их пределами. И тебе должно хватить разума, чтобы понять, в какую сторону будет выгодно и мудро двинуть войска в следующем году и позже, – медленно говорил великий и ужасный Тупак, не отводя тяжелого взгляда от способного юноши.

О племени карихона, ночь их забери, и чудесном Золотом сердце, дарующем долголетие и урожай и исцеляющем болезни, император узнал незадолго до своей смерти.

– Я бы сказал, что все это чушь и бабьи сказки, – в свойственной ему тягучей манере произнес Великий Инка. – Но майя... Если кто-то из них нашел приют в том племени... Да, они были великими мудрецами. И лучшим из них по силам было сотворить подобное.

Разведчик немного помялся и сообщил:

– О Сапай апу Капак Инка, прознали мы также и о пророчестве создателя того Золотого сердца, колдуна Нофуетомы. Он предсказал, что тех, кто попытается отнять талисман, ждет ужасное несчастье. Белые звери в сверкающих одеждах с двумя головами на четырех ногах с громами и молниями в руках придут в земли воров и падет их гнев на головы и старых, и малых. А сердце без любви паразит своей любовью то сердце, к которому оно прикоснется.

Вряд ли черные слова давно сгинувшего шамана произвели хоть какое-то впечатление на императора. Известно, что колдуны плохо держат мечи в руках, а потому все, что им остается для устрашения врагов, – это витиеватые угрозы. Но снарядить экспедицию собрался только сын Тупака – через много лет после восшествия на престол. Жуткая эпидемия, косящая народ тысячами, не разбирая бедных и богатых, пришла с севера. Поговаривали что-то про белых дьяволов на огромных каное с белыми крыльями, которые наслали болезнь, но Великий Инка отнес слухи к пророчеству о Золотом сердце. Уайна Капак был прагматичным государем, а потому и поручил младшему брату доставить в столицу чудодейственный талисман. Желательно до того, как город Куско вымрет...

Полуденное солнце заливало своими лучами деревню, обширные поля и сады, золотило реку и играло на листьях зеленой стены джунглей. Карихона в нарядных одеждах и болотное племя в доспехах из гибких прутьев стояли вокруг каменной пирамиды – все безоружные. Построенная под руководством мудреца, она была единственным подобным сооружением на сотни миль вокруг. Потомок легендарного колдуна, действующий шаман племени Соби Нофуетома вел по ступеням жениха и невесту. Завораживающее зрелище, казалось, заставило замолкнуть даже неугомонных птиц. Статный старец, плечистый высокий юноша и изящная гибкая девушка медленно поднимались. Для Пиипи свекровь припасла яркое зеленое платье. Ощущение ткани на теле было непривычным юной людоедочке, от щекотки она время от времени подхихикивала. Шиботка в черном плаще поверх красной туники, напротив, был предельно серьезен. Уж он-то сызмальства знал, что свадебного обряда на пирамиде удостоивается не каждый вождь, ибо к великому богу обращаться можно очень редко и лишь ради общего блага. Соби пел торжественный гимн на не известном никому из присутствующих языке. Многочисленные золотые амулеты на толстых цепочках покрывали его обнаженный торс, словно броня. Они слепили непривыкших гостей яркими бликами, убеждая их в том, что шаман речников и впрямь силен. Отец невесты сжимал и разжимал кулаки – Червячок покидала его навсегда, и глаза свирепого каннибала предательски щипало. А Йомира Летучая Мышь молилась про себя за сына, за свою будущую невестку, за их детей, которым суждено народиться, и за все большое племя карихона.

Когда троица оказалась на вершине пирамиды, солнце достигло зенита. Шаман высоко воздел руки и начал речь:

– Пред ликом великого бога любви я свидетельствую, что два народа, как и два чада этих народов, готовы заключить вечный союз ради общего блага, счастья и процветания. Шиботка, касик карихона, берет в жены Пиипи, дочь могучего Хитари. Они будут единым целым, как и два наших народа отныне будут одной семьей.

Соби поднял высоко Золотое сердце. На вершине пирамиды оно было бы едва заметным, но солнечные лучи пускали от него во все стороны веселых зайчиков.

– Частичка силы Великого Солнца заключена в этом сердце. И я прошу его прародителя наделить своим благословением этих юношу и девушку и всех людей их племен. Пусть же дети роятся часто и растут здоровыми. Пусть на полях созревают богатые урожаи. Пусть река и лес щедро награждают охотников, а их хозяева – Черный Кайман, Исари-Анаконда и Ковитсама-Ягуар – не забирают взамен человеческие жизни. Пусть болота отойдут и даруют нам сушу. Пусть мир и согласие царят в наших землях. О Великий бог, узри нас и услышь через свое Золотое сердце! Мы верны тебе и не просим многого. Мы дарим тебе нашу любовь и лишь любви просим в ответ!

Шаман начал обходить жениха и невесту, держа на вытянутых руках Золотое сердце. Это был кульминационный момент всего обряда. Сотни людей, обступивших пирамиду, затаили дыхание.

В воздухе что-то звонко тренькнуло и свистнуло. Бывалые охотники, не сообразив даже, что происходит, присели, судорожно ища оружие за спинами и на бедрах, но его не было. Стрела пронзила грудь Хитари, и могучий вождь болотников рухнул как подкошенный.

– Предательство! – крикнул кто-то из гостей. – Они подло застрелили Камня. К оружию!

Свист повторился. В этот раз целью стала Йомира. Стрела прошла ее сердце.

– Старшая, о нет! – разнесся стон женщин из ее свиты. – Людоеды убили Большую Мать. Чего же вы ждете, мужчины?

Толкаясь, ругаясь и вступая в скоротечные драки, воины обоих племен кинулись к пристани, где было сложено их оружие. Из леса выскакивали зеленые тени и пускали стрелы вдогонку убегающим. Азарт преследования заставлял их идти на риск, обнаруживая себя. Стрелков было очень мало. Если бы паника среди жертв прекратилась, нападавшим грозила бы неминуемая гибель...

Баниика и ее разведчицы успешно расправились с часовыми и ждали подхода основных сил. Но Патобчи задерживалась.

– Матушке-Скале нелегко преодолевать течение! – тихонько шутили девушки, наблюдая за церемонией. А красавица Мошка смотрела, забыв обо всем. Слова и действия жреца были так торжественны и прекрасны, что холодная жажда мести вдруг обернулась жгучей обидой. Ее лишили такого события! Интриганка Летучая Мышь и тупой людоед Хитари.

– Золотое сердце, любовь – это все вранье, придуманное мужчинами, чтобы подчинить нас, женщин! – яростно пробормотала она, берясь за лук. Бормоча проклятия, девушка послала одну за другой меткие стрелы. После этого разведчицам не оставалось ничего иного, как кинуться в атаку, уповая, что Патобчи и ее воительницы вот-вот пристанут к берегу. И впрямь, подбегая к реке, сквозь зелень прибрежных деревьев девушки видели, как по воде движутся крупные объекты. Флот прибыл! Победа!

Однако к берегу приставали не каноэ амазонок, а плоты императорского отряда. Пачакутек отрывистыми командами подгонял подразделения. Прекрасно обученные солдаты строились в плотные шеренги и в ногу бежали к деревне, держа наизготовку маканы и молоты.

У связок с оружием одновременно оказались воины карихона и болотного племени, а также лучницы чибча-муисков. На эту хаотичную толпу и обрушил свой страшный натиск экспедиционный отряд. Над деревней стоял громopodobный рев, отовсюду доносились стоны умирающих и мольбы о пощаде. Пиршественные ароматы были погребены под железистым запахом крови.

Все завершилось очень быстро. Пачакутек одержал убедительную победу. Тяжелой походкой триумфатора он шел в сторону пирамиды, волоча за собой оглушенную Баниику, намотав ее длинные черные волосы на кулак. В другой руке он держал кинжал из железного дерева, отобранный у девушки. Женщины, дети, старики, теснимые солдатами, отступали. У подножия стояли Соби Нофуетома, Шиботка и Пиипи. Юный касик рвался в бой, но шаман удерживал его.

– Ты уже ничем не сможешь помочь им, постарайся сберечь жену! – шептал ему мудрый старец.

Пачакутек остановился перед ними в десяти шагах.

– Великий Инка объявляет эти земли своими, а всех вас его подданными, – произнес он громко, чтобы слышали все, но адресуя слова троице у пирамиды. – Эта девица подстрелила троих моих воинов, прежде чем я сбил ее с ног. Кто она тебе? – Этот вопрос был обращен Шиботке.

– Я не знаю ни Великого Инку, ни ее, – ответил вождь Слепень, жалея, что рядом нет его верного красно-черного копья. – Судя по внешности, она из чибча-муисков, женщин-воительниц.

– Вот как? Воительница? – насмешливо воскликнул седовласый командир. – Великий Инка не терпит, когда в его землях женщины берутся за лук и копье, вместо того чтобы растить детей и готовить еду мужу. Ваши жизни отныне принадлежат Великому Инке! – громко выкрикнул Пачакутек, поднимая слабо сопротивляющуюся девушку за волосы. – И ее жизнь тоже!

С этими словами он вогнал Баниике ее собственный кинжал в солнечное сплетение и резко дернул его до самого низа. Душераздирающий крик рванулся к небу. Кровь обильным потоком хлынула убийце на ноги. Толпа отшатнулась.

– Великий Инка безжалостен к бунтовщикам. Вы его подданные, советую не забывать об этом, – спокойно сказал Пачакутек, обтирая руку о волосы бездыханной девушки. – А теперь отдайте мне то, за чем я сюда пришел. Вашему высокому господину нужно Золотое сердце. В любовь я перестал верить в семь лет, когда убил свою первую наложницу, но говорят, оно позволяет наливать огнем даже старческой плоти и рожать даже немощным женским недрам. А это нам и нужно.

– Сердце не должно покидать пределов этого храма, – раздался звучный голос шамана. – Мой предок Нофуетома использовал великие знания народа майя. Золотое сердце и священная пирамида связаны неразрывно. Они даруют счастье, здоровье и долголетие. Но если их разлучить, Золотое сердце будет приносить одни лишь несчастья. Великий Инка и его люди могут приехать к нам и получить все, что они пожелают, здесь.

– Ха-ха-ха! Вы держите в мудрецах полнейшего глупца! – пробирающим до костей смехом проскрежетал военачальник. – Великий Инка получит талисман в своей столице, в Куско. И твои сказочки не смогут помешать.

– Белые звери с громами и молниями придут в ваши земли, если вы отнимите Золотое сердце. Таково было слово Нофуетомы! – торжественно пообещал Соби.

– Я тебя освежую, как пекари, если ты будешь продолжать дурить мне голову и тратить мое время, – Пачакутек поудобнее перехватил кинжал и стал медленно приближаться к жрецу.

Соби обернулся к молодоженам, неожиданно тепло им улыбнулся и прошептал:

– Жадные, глупые люди не понимают, какие беды они навлекают на всех нас. Но вы двое можете и должны быть счастливы. Пусть же Золотое сердце совершит последнее чудо! А потом золото обернется чернотой!

Шаман поднял над парой талисман, что-то пробормотал, желтый металл вдруг ослепительно вспыхнул и... Шиботка и Пиипи исчезли.

Потрясенный Пачакутек озирался по сторонам.

– Молокососы пропали! Да, шаман, похоже, я недооценил тебя. Но что-то мне подсказывает, что повторить этот трюк у тебя уже не получится...

Императорский отряд быстрым маршем двигался в сторону далеких Анд. Взятые в плен речные и болотные охотники пообещали провести их надежными тропами взамен на сохранение жизни. Золотое сердце покоилось в шкатулке красного дерева, которую Пачакутек приоткрыл к собственному животу. Спасение многих тысяч людей теперь зависело только от скорости, с какой отряд достигнет великолепного Куско.

Выжившие карихона и каннибалы укрылись в лесу. Люди не до конца поняли смысл разыгравшейся на их глазах драмы. Одно они осознавали четко – никакого союза между болотным и речным народами отныне не будет. Для всех речников настали тяжелые времена, ведь род вождей прервался, шаман убит, а благословение Великого бога отобрано у них навсегда.

Прибывшая с опозданием в деревню Патобчи обнаружила только следы кровопролитной битвы и больше сотни убитых. Ее дочка, прелестная Мошка, лежала у пирамиды выпотрошенная. Проклятого Шиботки и его невесты след простыл. Ясное дело – скрылись от возмездия. Но чибча-муиски отныне не успокоятся, пока не отомстят убийцам. Кровь за кровь...

Слова великого мудреца Нофуетомы на самом деле оказались пророческими. Золотое сердце не спасло перуанцев от страшной эпидемии оспы, занесенной европейцами в Панаму, и сам Инка Уайна Капак умер от неведомой доселе жителям Южной Америки болезни. А вскоре испанские корабли причалили к западному побережью. И белые демоны, закованные в сталь, верхом на лошадях, приводивших индейцев в состояние ужаса, с мечами и мушкетами в руках отправились в путь к сердцу страны.

Сын Уайна Капака – Инка Атаульпа – попытался было откупиться от алчных испанцев.

– Оро, мучо оро! – кричали бородатые чужеземцы.

Золота и впрямь было очень много – из Куско выгребли его подчистую. Вот только императору оно жизнь не спасло – Атаульпу удавили по приказу жестокого Франсиско Писарро. А Золотое сердце отправилось в долгий путь на борту одного из галеонов в далекую Кастилию. О том, что это не простое украшение, никто из завоевателей не подозревал...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

19** г.

Старокузнецк

Аптека, что досталась частному врачу Георгию Родину от отца, приносила приличный доход, однако следить за тем, чтобы микстуры смешивались в правильных пропорциях, а мази и растирки приобретали нужную консистенцию, было слишком обыденно и скучно для такого живого и свободолюбивого человека, как Георгий. Поэтому на предложение своего приятеля Андрея Юсупова, заведующего губернской больницей, каждый вторник наведываться в больницу и осматривать самых сложных и спорных пациентов Родин ответил благодушным согласием и с тех пор ни разу об этом не пожалел, ведь когда трудишься не ради жалованья, а по велению души, да еще и не отвлекаясь на всякую бюрократию вроде заполнения историй болезни и муштры младшего медицинского персонала, все получается само собой, по вдохновению.

Сегодня, правда, с вдохновением не заладилось с самого утра. Родину предстояло навестить Полиньку и Юленьку Савостьяновых, молодых дочерей профессора ботаники, с которыми у Родина недавно приключилась любопытная, но истрепавшая ему все нервы история. Пережив подряд (хотя, чего греха таить, почти одновременно) две пылкие влюбленности, череду моральных и физических потрясений, едва не погибнув и не сгубив сестер, Родин нынче испытывал нечто вроде эмоционального похмелья. На душе было тяжело и неудобно, будто на грудь наступил сказочный великан, но долг благородного человека обязывал Георгия справиться о здоровье девушек. Поэтому он, вооружившись двумя букетиками из полевых цветов, решительно зашагал в сторону палаты для особых пациентов.

Больные высыпали в коридор поглазеть на знаменитого доктора, способного поставить правильный диагноз за считанные секунды. Все знали, что Родин бывает здесь нечасто, но каждый его приход воспринимался как праздник. Любому пациенту, будь то чопорная дама с фурункулом на лебединой шее или пропахший пасекой и ветошью дед с радикулитом, был по душе этот открытый и простой крепыш. Впрочем, опрятно одетый и гладко выбритый доктор был не так-то прост: его взгляд, походка и даже непослушный русский вихор выдавали настоящего авантюриста-бродягу, лишь замаскированного под врача, а на самом деле готового в любой момент выбить стекло своим рельефным телом, сигануть из окна напрямик в седло такого же крепыша-скакуна и унести навстречу приключениям, прихватив с собой пару красоток.

На подходе к палате сестер Савостьяновых Родин перехватил Юсупов и попытался увлечь его на кружку чая со свежими кренделями, только что доставленными от самого известного в городе пекаря Фадеева, но Георгий был непреклонен:

– Ты же опять, дорогой мой Андрюша, начнешь вещать про этого назойливого Бицке, а мне сейчас ну совершенно не до него, уж прости! Ежели врачебный инспектор затеет козни, касаемые моей аптеки или пациентов, я с превеликим удовольствием помогу его охолонуть! Ну а пока он тут пропажу больничных уток расследует да дырявые клистиры пересчитывает, уволь...

– Да нет, что ты, я вовсе не насчет Бицке. Этот гриб трухлявый как раз пока притих, нас не трогает. У него обострение подагры, валяется на оттоманке, ноги в тазике, укроп жует. Я по поводу сестер Савостьяновых...

– Все в порядке? – напрягся Родин, вопросительно взглянув на коллегу.

– Ну, если это можно назвать «в порядке»... Состояние стабильно тяжелое. Сильнейшее посттравматическое расстройство с частичными нарушениями памяти. Почти ничего не помнят, так, отдельные моменты, вспышки воспоминаний... Но все это больше похоже на дурной сон.

– Если бы... – Георгий вздохнул, и перед его глазами болезненными зарницами пронеслись некоторые подробности того «сна».

– Так вот, хотел попросить кое о чем... Они тебя начнут расспрашивать, что да как, почему мы в больнице, и так далее. Ты с ними, пожалуйста, помягче. Не нужно пока всю правду вываливать. Расскажи общо, не вдаваясь в детали.

– Ах, ну разумеется, мог бы даже и не заикаться. Что ж я, не понимаю...

Родин дружески похлопал Юсупова по плечу и распахнул скрипучую дверь.

Яркие лучи солнца заливали просторную палату земской больницы, прорываясь через стучавшуюся в окно яблоневую крону. Не в пример погожему светлому деньку в палате, где восстанавливали здоровье сестры Савостьяновы, атмосфера царила безрадостная и гнетущая. Смотреть на Полиньку и Юленьку было мучительно. Девушки с исхудавшими, измученными лицами и запавшими глазами напоминали сахалинских каторжанок. Полиньке, судя по всему, было совсем нехорошо – она даже не заметила, что в палату кто-то вошел, а лишь сосредоточенно жевала уголок одеяла, стиснув его крохотными кулачками.

– Фенрир пожрет солнце, я слышу его вой, от него не скрыться! Этот кошмар приходит и приходит вновь! – жарко шептала она, дико вращая глазами.

Юленька, одетая в полосатую больничную рубашку, со странной смесью брезгливости и злости на лице тарасилась в стену. Сама она, благодаря упорному и решительному духу, заряжавшему очаровательную непоседу, и крепкому, закаленному упражнениями организму, значительно легче переносила последствия длительного приема зелья викингов. Черты ее подевочки свежего, выразительного лица заострились, в уголках губ залегла горечь, но горячего безумия на лице не наблюдалось. Услышав звук закрываемой двери, она повернулась и посмотрела на Родина.

«Узнала, но не повеселела», – констатировал Георгий про себя и уселся на стул возле койки Полины.

Его слегка сгорбленная, могучая фигура, покрытая ниспадающим белым халатом, и взгляд пронзительных зеленых глаз, излучавших спокойствие и уверенность, делали Родина похожим на восточного мудреца. Он молча и внимательно слушал сбивчивый шепот Полиньки. Когда больная наконец в изнеможении откинулась на подушку и прикрыла глаза, Родин тихонько встал, медленно подошел к окну и, распахнув оконную раму, сделал глубокий вдох. В палату пролился душистый свежий воздух, а от близстоящей церкви донесся радостный перезвон колоколов.

– Отравы выводится из организма крайне медленно, внутренние органы накапливают вредное вещество и периодически выбрасывают его в кровь, вызывая слуховые галлюцинации, бред и общее подавленное состояние. Все это, безусловно, пройдет при должном уходе, который непременно будет оказан под контролем доктора Юсупова... И при моральной поддержке, а это уж по нашей с вами части, – обратился он к Юленьке, и лицо ее вдруг потеплело и оживило.

– О, я готова не отходить от нее ни днем, ни ночью! – со слезами в голосе проговорила девушка, вскочив с койки. Склонившись над постелью сестры, она с нежностью поправляла русые локоны, разбросанные по подушке.

– Ну-ну, стоит поубавить рвение, – мягко прикоснулся к ее плечу Родин. – Ты ведь и сама весьма нездорова, твой молодой организм, конечно, одолеет яд. Сама природа поможет, но нужно отдыхать, иначе отравы возьмет свое.

Юленька поджала чувственные, слегка побледневшие губы и оборотила серьезный, пронзительный взгляд на Георгия.

– По правде сказать, я чувствую иногда, как она пытается взять верх надо мной. И тогда из волн тумана, которые застилают мою память, возникают великие и чудовищные силуэты. Но ваше лицо, Георгий, я вспомнила сразу, ваши глаза, ваш взгляд. Но почему он тревожит меня? Вы врач, да... но иногда память играет со мной странную шутку... будто бы вы... мы... Ох, простите, мне совсем плохо...

Родин слегка выпрямился и невероятным усилием совладал со своей мимикой. Юленька смотрела на него, и строгость ее взгляда сменилась болью и непониманием. Но те лукавые озорные искорки, которыми лучились ее глаза в тот вечер в Варшаве, исчезли. Она ничего не помнила, и попытка вспомнить доставляла ей страдание.

– Вы с сестрой многое пережили, – Родин старался говорить со всей уверенностью, на которую был способен, но мысли в голове крутились отнюдь не радостные. – Думаю, вам известно о похищении Полины...

Услышав свое имя, произнесенное Георгием, Полинка открыла глаза, и сквозь пелену дурмана в ее взгляде проступила осознанность.

– ...неким безумным фанатиком, с философией очень, так сказать, оригинальной, но от этого не менее ужасной. – Воспоминания о несчастных безумцах на острове, заселенном призраками древних скандинавских преданий, заставили Родина нахмуриться. – К сожалению, он смог соблазнить ею многих замечательных и чистых душой людей. С помощью наркотического зелья и своей энергии он вовлек их в осуществление древнего пророчества о Сумерках богов.

Сестры мгновенно переглянулись, мучимые призраком воспоминания.

– Благодаря невероятной удаче и с небольшой помощью... некоторых храбрецов вам удалось счастливо спастись.

Георгий невольно ухмыльнулся, перед его глазами вновь предстала Юленька – с растрепанными волосами, отбивающаяся мечом от здорового викинга и выкрикивающая при этом что-то грозное через грохот взрывов... Настоящая валькирия.

– Про все это доктор Юсупов вам уже вкратце рассказывал, но вряд ли он успел поведать вам о Юленькином поступке...

Родин убрал руки в карманы халата и, сделав несколько пружинистых шагов по палате, развернулся и пристально посмотрел на младшую из сестер – юную валькирию, теперь исхудавшую, ставшую почти прозрачной, только измученные глаза горели на лице. Противоречивые чувства боролись в Родине: он почти обрел любимую и тут же потерял. Воспоминания исчезли, чувства превратились в туман, и в этом тумане бродили, потеряв друг друга, Георгий, Юленька и Полинка.

Родин вздохнул и тяжело опустился на стул. Да-с, пусть и не сразу, но сестер из тумана нужно было выводить.

– Пытаясь спасти сестру, вы, Юленька, не побоялись рискнуть даже собственной жизнью и попали в плен.

Услышав это, Полина привстала с подушек и посмотрела на младшую сестру с таким восхищением и любовью, что эти чувства заставили морок отступить, и Георгий снова увидел прежнюю Полюшку, нежную и любящую.

Юленька, напротив, казалась смущенной.

– Бросьте, Георгий, наверняка вы поступили бы так же, если бы речь шла, скажем, о спасении вашего брата.

При этих словах молодой врач неожиданно вздрогнул, словно ему напомнили нечто давно забытое. Нервным движением сцепив руки, он уставился куда-то в сторону, сосредоточенно высматривая что-то в прошлом. Про брата девушек, мичмана Максима, было решено до поры до времени не говорить.

– Ну вот видите, вы помните, что у меня есть старший брат, – стараясь изобразить шутливый тон проговорил Георгий. – Значит, память понемногу возвращается.

– Да, я помню, что у вас есть брат, но совершенно не помню, чтобы вы о нем рассказывали.

– Ну-с и сейчас для этого не время... Юсупов строго запретил мне утомлять вас. – Родин замаялся, что было совершенно несвойственно его решительной натуре, и, неуклюже встав со стула, ринулся вон из палаты.

Его ждали другие пациенты. По крайней мере, именно это Георгий твердил про себя, позорно сбегая от вопросов о братьях.

Родину предстояло осмотреть работника писчебумажной фабрики, явившегося с жалобами на непроходящую болезненную эрекцию. Причем сделать это надо было как можно скорее, поскольку слух о несчастной жертве бога Приапа уже пошел гулять по больнице и возле палаты пациента беспрестанно возникало то одно, то другое любопытное женское личико. Одно из этих личиков было Родину хорошо знакомо. Беззаветно влюбленная в Георгия медсестра Аня, румяная бойкая девчушка из деревенских, мгновенно накинулась на него с расспросами, но Родин сделал строгое лицо и сурово сказал:

– Нельзя медлить ни секунды! Если допустить гангрену, орган придется ампутировать. Вы же не хотите стать причиной того, что мужчина в расцвете сил лишится мужской сущности? А ну бегом за ледяными грелками и шприцем для пункции!

Аня в ужасе распахнула ясные голубые глазки и унеслась в процедурную, а Родин зашел в мужскую палату и, плотно притворив дверь, принялся осматривать пациента.

Худой жилистый мужчина с очень серьезным лицом без тени смущения откинул простыню и обратился к доктору:

– Резать будете?

– Только если вы настаиваете, – приветливо улыбнулся Георгий, но тут же осекся: – Нет, резать не будем. Как долго это у вас продолжается?

– Да вот как ночью восстал, так и топорщится. Мочи нет, боль такая, будто у меня там раскаленная кочерга вместо достоинства. Часа четыре уже, наверно...

– Хм... Да, пиявками тут не обойтись. Ну ничего, сейчас снимем отек, откачаем лишнюю жидкость, и будет как новенький. Такое с вами впервые?

– Чтобы так надолго – да. – Мужчина вымученно усмехнулся и по-свойски подмигнул Георгию: – Да и так-то обычно я знаю, чем «лечиться». А тут лечусь-лечусь, а он только крепчает...

– В общем, если сия напасть вернется, придется вам лечь на обследование. Но будем надеяться, что это единичный эпизод.

Георгий вышел в коридор, чтобы перехватить Аню с грелками, и наткнулся на Елизавету Сечину-Ледянскую, еще одну свою воздыхательницу, старую деву, мнящую себя поэтессой. Время от времени она придумывала какие-нибудь бестолковые болячки, чтобы лишний раз заглянуть к Родину на прием. Несмотря на то что никаких авансов и намеков Георгий ей не давал, неутомная Елизавета не теряла надежды завоевать его сердце или, на худой конец, провести с ним ночь.

«Да что же за день сегодня такой...» – расстроился Родин, а вслух сказал:

– На сегодня прием окончен, приходите завтра!

– Да я ничего, я так, – засуетилась Ледянская, пытаясь незаметно заглянуть Родину за плечо. – Я и не к вам даже...

– А коли не к нам, тогда не мешайте, пожалуйста, проводить сложную процедуру.

Тут как раз подоспела Аня, но Родин и ее попросил подождать в коридоре, а сам схватил грелки и поднос со шприцем и скрылся в палате, строго-настрого наказав дамам не входить. Дамы посмотрели друг на друга с плохо скрываемой ненавистью и, фыркнув, разошлись в разные стороны.

* * *

Братья у Родина действительно были, и он действительно не любил о них говорить. Всего у отца с матерью родилось трое мальчиков: старший Сева, средний Борис и младший Женя (по ошибке его записали в приходской книге Георгием, но дома все равно все называли Женей или Еней, Енюшей).

Давая жизнь Георгию, Татьяна Дмитриевна Родина скончалась. Это привело к тому, что маленького Енюшу, белокурого ангелочка, хоть и любили, но от любви этой веяло холодом. В этой холодной любви Георгий вырос и пронес ее через всю жизнь. Сейчас, после разговора с сестрами Савостьяновыми, он снова чувствовал, как его сердце, которое совсем недавно заходило от одного лишь присутствия Полинки, а потом Юленьки, снова леденеет. В душе было холоднее, чем на улице, а зима-то выдалась в этом году суровая. Лед на речке получился такой толщины, что жители Старокузнецка устроили там ярмарку: торговали свежевывловленной рыбой, баранками, горячим сбитнем, бились на кулачках и плясали под гармонь. Георгий смотрел на это веселье без всякой эмоции.

«Уныние – самый страшный грех, – подумал он грустно. – Надо бы исповедаться и причаститься».

Вера в Бога часто спасала Родина не только от моральных страданий, но и от самых разных неприятностей. Так, однажды ему приснилось, как ангел-хранитель позвал его во двор разгрести снег, а Георгий еще отмахнулся, мол, не его это забота, и вообще ему руки надо беречь, завтра операция сложная... Но ангел не уходил, и Родину пришлось продрать глаза и посреди ночи оставить теплую постель, чтобы выйти на холод и подышать свежим морозным воздухом. Понятно, снег разгрести он вовсе не собирался, поскольку навалило его по самые окна, а снегопад и не думал прекращаться.

Однако в ту ночь Георгий до двора так и не добрался. Выйдя в сени, он увидел, что забыл с вечера потушить свечку. Свечка полностью обгорела и огонь с нее уже готовился перекинуться на стоящий рядом веник, а там пиши пропало... Уже потом, лежа в своей постели, Георгий долго пытался вспомнить лицо ангела-хранителя, но никак не получалось. Отчего-то ему казалось, что ангел этот говорил женским голосом. Может, даже маминым... При этом Родин не был истовым христианином, скорее «захожанином», чем прихожанином. Он не ходил в храм каждую заутреню, но если уж молился, то всем своим существом, самозабвенно и с открытым сердцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.